

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-4-600-608>

Рецензия / Book review

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

Схиммельпэннинк ван дер Ойе Давид. Русский ориентализм. Азия в российском сознании от эпохи Петра Великого до Белой эмиграции / пер. с англ. П.С. Бавина. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 287 с.

Рафаэль Амирович Арсланов

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

✉ arslanov-ra@rudn.ru

Для цитирования: Арсланов Р.А. Рецензия на книгу: Схиммельпэннинк ван дер Ойе Давид. Русский ориентализм. Азия в российском сознании от эпохи Петра Великого до Белой эмиграции / пер. с англ. П.С. Бавина. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 287 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 4. С. 600–608. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-4-600-608>

REVIEW OF

***Russian Orientalism: Asia in the Russian Mind from Peter the Great to the Emigration*, by David Schimmelpenninck van der Oye. Translated by P.S. Bavina. Moscow: Politicheskaiia entsiklopediia Publ., 2019. 287 p.**

Rafael A. Arslanov

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

✉ arslanov-ra@rudn.ru

For citation: Arslanov, Rafael A. "Review of *Russian Orientalism: Asia in the Russian Mind from Peter the Great to the Emigration*, by David Schimmelpenninck van der Oye. Translated by P.S. Bavina. Moscow: Politicheskaiia entsiklopediia Publ., 2019. 287 p." *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 4 (November 2021): 600–608. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-4-600-608>

Книга канадского историка голландского происхождения с трудно произносимой на русском языке фамилией – Давида Схиммельпэннинка ван дер Ойе – при первом приближении может вызвать интерес лишь у узкого круга специалистов. Однако иностранный ученый затронул тему, волнующую русского человека, заставляющую его и в прошлом, и в настоящем размышлять о том, что есть Россия: Восток, Запад или нечто иное, занимающее особое место в мире. Следует заметить, что в современной России на Востоке все чаще ищут возможного союзника, потребность в котором возросла в условиях нарастания напряженности в отношениях между Россией и Западом в настоящее время.

© Арсланов Р.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Сам автор в заключении книги, хотя и опосредованно, обосновал ее актуальность озабоченностью «влиятельных политических деятелей Российской Федерации... новым мировым порядком, в котором доминирует одна западная держава...». Ответом же на эту угрозу и стало исходившее из Кремля еще в эпоху Бориса Ельцина позиционирование России как «азиатской сверхдержавы», а также стремление ее современных лидеров «нарочито выстроить антизападную коалицию с азиатскими державами» (С. 233). Можно поспорить с канадским ученым, насколько «нарочито», но наша задача заключается в другом – проанализировать понимание автором значения «восточной темы» в истории России и национальной культуры, определить методы, с помощью которых он показал ее становление и эволюцию в российском сознании, а точнее, – в его научной и художественной формах.

Начнем с полемики – с откликов на книгу историка, отличающихся своими подходами и оценками. В лаконичном и в целом доброжелательном отзыве, опубликованном в Новом литературном обозрении (НЛО), работа Дэвида Схimmelпэннинка рассматривается в ряду отечественных исследований, посвященных ориентализму в русской литературе¹. Автор обзора, отметив обобщающий характер исследования, подчеркнул его методологическую четкость и научную ценность.

В рецензии же, помещенной на сайте LiveLib, книга ученого удостоилась критики как раз за стремление объединить разнородные явления общественного сознания в нечто единое целое. «Наш голландский друг, – с несколько панибратским оттенком пишет рецензент, – считает, что главное – это нанизать как можно больше сюжетов, от «Слова о полку Игореве» до Бородина, от немецких ученых при Петре до князя Ольденбургского...». В итоге же, по мнению критика, в целом эти сюжеты не складываются, по причине якобы «невосприимчивости автора к теории как таковой»².

Приведенное критическое суждение послужило поводом к размышлению о разных подходах к исторической литературе. Прежде всего о теоретической составляющей. Действительно, раскрытие предмета исследования предполагает использование различных теорий, в нашем случае, например, имагологии или методов, заимствованных из интеллектуальной истории. Более того, продолжая критическую линию, можно было бы упрекнуть автора в игнорировании современных подходов, по-новому раскрывающих политику России на Востоке: концепции фронтальной модернизации и аккультурации³. Однако, на наш взгляд, для работы, обращенной к широкой публике, они стали бы лишь препятствием на пути знакомства с русским ориентализмом. К тому же представленная автором во введении постколониальная теория, инициированная монографией Эдварда Саида «Ориентализм» (1978), вполне адекватна собранному материалу и достаточна для понимания содержания такой многогранной темы. Кстати, ее необъятность проявляется и в том, что некоторые

¹ Рейтблат А.И. «Ориентализм» и русский ориентализм (Обзор книг по ориентализму в русских востоковедении и литературе) // Журнальный зал – русский толстый журнал как эстетический феномен. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2020/1/orientalizm-i-russkij-orientalizm.html#> (дата обращения: 15.01.2021).

² Red_star Эксперт Лайвлиба // LiveLib. URL: <https://www.livelib.ru/book/1003260773-russkij-orientalizm-aziya-v-rossijskom-soznanii-ot-epohi-petra-velikogo-do-beloj-emigratsii-devid-shimmelpennink-van-der-oje> (дата обращения: 24.01.2021).

³ Васильев Д. В., Любичанковский С. В. Казахи и русские: бытовая аккультурация в XIX в. // Вопросы истории. 2018. № 3. С. 151–165. См., например: Любичанковский С.В. Имперская политика аккультурации и проблемы колониализма (на примере кочевых и полукочевых народов Российской империи. Оренбург, 2019.

аспекты русского ориентализма, например, отношение идейных течений пореформенной России к политике империи в Средней Азии, не вошли в книгу⁴.

Упрек же рецензента в «нанизывании сюжетов» на самом деле умаляет одну из основных ценностей работы – стремление автора показать явления духовной жизни не сами по себе, а в историческом контексте. Именно такой подход позволил ученому проследить за ориентализмом как за меняющимся под влиянием различных факторов феноменом, объективно рассмотреть его содержание.

Как уже отмечалось, Давид Схиммельпэннинк исследует развитие отношения русского общества к Востоку сквозь призму постколониальной теории Эдварда В. Саида, утверждавшего, «что научный аппарат, при помощи которого Запад изучает Восток, является средством угнетения» (С. 15). Иными словами, описание учеными, да и художниками Востока не только предшествовало его эксплуатации Западом, но и предопределяло его подчиненное положение.

Канадский ученый не отрицает наличие в российском обществе имперских, колониальных настроений, но сам русский ориентализм, по его мнению, не укладывался в саидовское бинарное описание западной матрицы «колонизатор – колонизированный». Выявлению многообразия и особенностей русского восприятия Востока, а главное – их истоков и посвящена рецензируемая книга.

Само осмысление и изучение Азии как некоего «другого» Давид Схиммельпэннинк относит к эпохе Петра I, когда Россия начинает осознавать себя частью Запада. Именно эта самоидентификация и вызвала у части русского образованного общества интерес к Востоку как к одному из мест, «где русские, по словам автора, могли почувствовать себя равными европейцам» (С. 14). Таким образом, Запад и чувство принадлежности к нему, европейская образованность становятся в книге ученого точкой отсчета для постижения русским человеком Азии.

Соглашаясь с этим мнением, хотелось бы еще раз подчеркнуть не только многогранность восприятия русским обществом Востока, но и оригинальность, своеобразие некоторых его проявлений. Сам автор, говоря о европейском импульсе и методе изучения Азии в России, все же подчеркивает его национальный колорит, некую амбивалентность, присущую русскому отношению к Востоку. Более того, несколько нарушив сформулированные в названии работы хронологические границы, он в первой главе обращается к допетровскому, т. е. донаучному периоду восприятия Азии Древней Русью. И именно здесь, опираясь на сложившуюся историографическую традицию и рассматривая их отношения сквозь призму бинарной оппозиции леса и степи, историк находит истоки этого своеобразия (С. 21–38). Формируемый церковью образ «злых татар» далеко не всегда соответствовал реальной картине. «В повседневной жизни, – приходит к выводу историк, – чаще имел место симбиоз, а не борьба» (С. 37).

На протяжении XVIII в. в России утверждается европейское видение Востока. Правда, в эпоху Екатерины II Азия привлекает внимание, прежде всего, своей экзотикой, да и «образцовым» государственным строем Китая, идеализированные представления о котором сложились при дворе императрицы во многом под влиянием Вольтера (С. 57, 58).

⁴ Частично эти сюжеты рассмотрены в: *Арсланов Р.А., Климашин А.Л.* Периодические издания России рубежа XIX–XX вв. о социокультурной адаптации русских переселенцев в Средней Азии // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России.* 2017. Т. 16. № 3. С. 347–363.

В основной части книги (Гл. 4–8) Давид Схиммельпэннинк показал развитие русского ориентализма в XIX в., подчеркнув процесс формирования и усиления амбивалентного отношения к Востоку как в научной рефлексии, так и в художественном творчестве. Особого внимания заслуживает, с одной стороны, представленное автором объяснение усиливавшегося в России, да и в других европейских странах, интереса к Азии, а с другой, – трактовка факторов, определявших специфику ее русского восприятия.

Прежде всего, историк отметил роль Восточного вопроса, придававшего политическую окраску и прагматическое содержание ориентализму ведущих стран Европы, а также наличие в составе России собственного Востока – мусульманского Кавказа. Не меньшее влияние оказали и новые веяния в духовной жизни. Автор специально остановился на получившем в начале XIX в. распространение романтизме, который своим обращением к эмоциям, мистицизму, интуиции, т. е. всему тому, что приписывалось азиатской культуре, не только привел русское общество к подлинному развороту на Восток (С. 67–68), но и к формированию особого к нему отношения. Вслед за Сьюзен Лейтон канадский историк в «Кавказском пленнике» (1821 г.) А.С. Пушкина увидел начало описания «...горцев-мусульман как азиатских “других”, которых Россия XIX в. была склонна принять как суррогатных “своих”» (С. 75). В результате «симбиоз “своего” и “другого”, по мнению автора, получит свое дальнейшее развитие.

Особое отношение русского общества к Азии вызывалось и военной службой дворян, и личным знакомством со «своим Востоком», каким стал для многих литераторов и ученых мусульманский Кавказ, и смешанным – русско-азиатским – происхождением части элиты.

Вместе с тем, надо отдать должное историку, который не оставил без внимания и так называемые «темные стороны» русского ориентализма, поддерживавшего и обосновывавшего имперскую политику России. Так, с некоторым, как представляется, недоумением он констатировал, что А.С. Пушкин – этот великий русский гений, ставший практически создателем художественной формы ориентализма, «...не осудил категорически восточные завоевательные походы». При этом, по словам историка, «в независимости от политических взглядов Пушкина нет никакого противоречия между оппозицией императору и энтузиазмом по поводу расширения владений России в Азии» (С. 74). За констатацией отсутствия противоречий скрывается авторское искажение отношения поэта к самодержавию. Дело в том, что Пушкин эпохи «завоевательных походов» отошел от своих романтических увлечений и вольнодумства юности и, став искренним монархистом, поддерживал не только внешнюю политику самодержавия, но и сам характер режима, отвечавшего, по его мнению, потребностям и историческому уровню развития России⁵. Так что противоречия между имперскими и политическими взглядами Пушкина, действительно, не наблюдалось. Более того, пример Пушкина дает возможность констатировать некую цельность русского ориентализма, рассматривающего самодержавную власть и ее «захватническую» политику как две стороны одной медали, т. е. говорить не только о цивилизационном, но и политическом симбиозе, прояв-

⁵ Подробнее см.: *Эйдельман Н.Я.* Пушкин. История и современность в художественном сознании поэта. М., 1984.

лявшемся ярче всего в приобретении империей новых территорий и выполнении самодержавием просветительской, реформаторской миссии на Востоке.

Заслуживает внимания проведенный историком анализ творчества художника В.В. Верещагина, и в частности, живописных приемов, использованных им для обоснования необходимости и прогрессивности аннексии Россией восточных территорий. В своей «Туркестанской серии», состоящей из полотен, отражающих и одновременно оправдывающих захват Средней Азии, художник, по словам ученого, вслед за европейскими ориенталистами демонстрировал такие черты Востока, как «деспотизм, жестокость, былую роскошь и порочность» (С. 88). Однако, проводя параллели между русской и британской экспансией и подчеркивая «варварство среднеазиатского населения», Верещагин, как показано в книге, не находил принципиального различия между Востоком и Западом (С. 92). С другой стороны, поддерживая цели русской власти в Средней Азии, художник осуждал методы, которыми они достигались (С. 93). В итоге в творчестве Верещагина, стиравшем грани инаковости, канадский ученый обнаружил и неприятие европоцентризма, наиболее ярко проявлявшегося в кипплинговской формуле – «Запад и Восток никогда не сойдутся», и идею их симбиоза, противоречащую саидовскому прочтению сущности ориентализма (С. 95).

К достоинствам работы, ставшим одним из результатов приверженности автора принципу историзма, следует отнести рассмотренные им изменения в русском отношении к Востоку, происходившие во второй половине XIX в.

Наряду с трансформацией международного положения автор отметил эволюцию духовной парадигмы – утверждение реализма, идущего на смену романтизму, распространение народнических идей, вызвавших появление новых аспектов в русском ориентализме. Так, по мнению историка, представления художника Верещагина «о миссии России в Средней Азии были колониальным эквивалентом идеи “хождения в народ” – мощном популистском движении лета 1873 и 1874 гг. среди образованных городских слоев – переехать в деревню для просвещения крестьянства» (С. 93). Можно поспорить с автором по поводу целей «хождения в народ», которые не были такими однозначными и сводились в основном к пропаганде и организации крестьянской революции. Но главная для его книги мысль – о влиянии настроений интеллигенции, ее идей на восприятие Востока, – заслуживает не только внимания, но и развития. Примечательно, что автор обнаружил воздействие популярных в интеллигентской среде народнических идей и на взгляды ученых, например, индолога С.Ф. Ольденбурга (См. С. 188).

Несколько глав своей работы Давид Схиммельпэннинк посвятил научному направлению российского ориентализма и, прежде всего, Казанской школе и ее основателю А. Казем-Беку (С. 96–123). Заслуживает внимания проведенный историком анализ взглядов О.М. Ковалевского, доказывавшего, что «...жители Азии по своему культурному потенциалу не уступают европейцам» (С. 117). Уважительное отношение «казанцев» к культуре и религии Востока, их научная и практическая деятельность, личные качества и усилия создали наследие, способное, согласно осторожному предположению автора, «напомнить жителям России, что они могут почерпнуть знания не только у европейцев, но и у жителей Азии» (С. 123).

Рассматривая историю Петербургской школы востоковедения, автор специально остановился на взглядах С.С. Уварова начала XIX в. – традиционно воспри-

нимаемого в отечественной историографии как символ реакции. Вдохновляемый идеей «Восточного ренессанса», он вынашивал планы создания Азиатской академии, призванной, в представлениях Уварова, «возвратить к жизни Европу, разоренную войной и революцией» (С. 156). В мудрости Индии, этой «колыбели человечества», он искал средства противодействия западной идеологии. Таким образом, канадский ученый обратил внимание еще на одну грань русского ориентализма – стремление ряда его представителей использовать традиции и ценности Востока как средства противостояния революционному духу времени, т. е. придать ему не только практическое и научное, но и идеологическое содержание.

Хотелось бы дополнить. Несколько космополитичный в эпоху наполеоновских войн ориенталистский взгляд Уварова в постдекабристский период истории России приобретет уже сугубо национальную окраску, обнаружив опору антиреволюционному движению не на Востоке, а в самой России, хранительницы «православия, самодержавия, народности».

Примечательны авторские суждения о творчестве арабиста польского происхождения О.И. Сенковского, объективно оценивавшего Восток и видевшего, например, в исламе черты, враждебные культуре и одновременно являвшегося «самой передовой религией Востока» (С. 165). Правда, автор ограничился только констатацией этого противоречия, вероятно, не сосредотачиваясь специально на выяснение его корней. Можно предположить, что в данном конкретном случае проявилась и вся противоречивость русского ориентализма, с одной стороны, испытывавшего симпатию к Востоку, обосновывавшего идею симбиоза России и Азии, а с другой, – доказывавшего необходимость выполнения империей цивилизаторской миссии и использующего западные стереотипы (жестокость, деспотизм, и пр. негативные характеристики Востока) для обоснования ее приобретений в Азии.

Привлекают своей глубиной и точностью авторские оценки заслуг одного из выдающихся профессоров восточного факультета Санкт-Петербургского университета В.П. Васильева. Констатируя научную основательность знаний китаиста, его внимание к языковой подготовке и источникам, историк подчеркнул оригинальность его взглядов, «развенчание различных западных стереотипов». По словам канадского исследователя, Васильев обратил, прежде всего, внимание на неоднородность Азии, доказывая, что «...различия между сухим эмпиризмом конфуцианства, здоровой верой буддизма и мечтательными ведическими легендами ничуть не менее значительны, чем между христианством, исламом и иудаизмом» (С. 178). Более того, он ставил под сомнение классическое противопоставление Востока Западу, доказывая не только относительность проводимых между ними границ, но и то, что пришло время, когда «...скоро исчезнет это разделение [между Востоком и Западом]» (С. 178).

Историк обратил внимание и на противоречия в оценках Васильева отношения России к Китаю. С одной стороны, он, как и некоторые соотечественники, полагал, что «...царский режим приносит пользу подчиняющимся ему восточным народам», противопоставлял внешнюю политику своей страны «алчному колониализму Британии и других западных держав». С другой же, – критиковал территориальные захваты России в Китае (См. С. 179). Вероятно, историку и здесь следовало бы не только констатировать противоречие во взглядах Васильева, но и попытаться выяснить его природу, вытекающую, скорее всего, как из особенностей русского

ориентализма с его стремлением к симбиозу Востока и Запада, так и, в конечном счете, из «всемирности» русского человека.

Давид Схиммельпэннинк подметил и такую характерную для русского интеллигента черту, как вера в то, «что его долг как профессионала вылечить Запад от высокомерного отношения к Востоку», убедить его в том, что лишь «поняв надлежащим образом Восток с его громадными культурными достижениями, человечество может надлежащим образом понять себя» (С. 190). Таким образом, Азия в построениях русских ориенталистов превращалась, и об этом не раз говорит историк, в средство самоидентификации и Запада, и самой России.

Кстати, в одном из интервью основное предназначение исследования российского отношения к Востоку Давид Схиммельпэннинк как раз и увидел в том, что оно «...помогает также понять российские представления о Западе и о самих себе»⁶.

Крайне любопытным, да и красноречивым, во многом выявляющим особенности авторской интерпретации темы рецензенту показалось проведенное в книге сравнение двух научных школ: русского ориентализма и американской советологии. Получая государственные средства на изучение стратегически важных регионов, «российские востоковеды», как пишет историк, «поступали подобно многим американским ученым, пользовавшимся щедростью Вашингтона в период холодной войны, но редко симпатизировавшим целям американских властей в отношении Москвы» (С. 195).

В последней девятой главе (С. 196–218) автор обратился к восприятию Востока представителями художественной интеллигенции России конца XIX – начала XX в. Весьма обстоятельно он рассмотрел творчество композитора А.П. Бородина, обнаружив в его опере «Князь Игорь» не только мелодический симбиоз России и Азии, но и «очарование экзотичной для России азиатской идентичностью» (С. 197). Особенно значимым для понимания восприятия частью русского общества Азии представляется вывод историка, согласно которому, для композитора в «Князе Игоре» «Россия не победила Восток, а соединилась с ним подобно тому, как христианский князь Владимир Игоревич соединился в браке с ханской дочерью, язычницей Кончаковной (С. 205). Из авторских суждений вытекает вывод, согласно которому в творческой концепции Бородина Россию создавали и русские, и половцы. Эта идея об общем культурном наследии, общем прошлом становится самым важным компонентом российского ориентализма, и, хотелось бы добавить, наполняет идею синтеза качественно новым содержанием, представляя православных и их восточных соседей равноправными субъектами отечественной истории.

Наряду с искренней симпатией в конце XIX в. со стороны части русского общества, как показывает автор, усилилась подозрительность в отношении к Востоку. Этот поворот вызывался как изменениями геополитической ситуации и, прежде всего поражением России в войне с Японией, так и эсхатологическими предчувствиями, охватившими некоторых русских декадентов, увидевших в Востоке «желтую угрозу» и «силу зла» (С. 210, 211). Однако у части символистов эпохи Серебряного века, например А. Блока, А. Белого, Восток не только воспринимался «своим», но и, ассоциируясь с предками-скифами, использовался как средство про-

⁶ Исследованием русского восточничества я обеспечил себя работой на всю жизнь // Русская idea. URL: <https://politconservatism.ru/prognosis/issledovaniem-russkogo-vostochnichestva-ya-obespechil-sebya-rabotoy-na-vsyu-zhizn> (дата обращения: 15.01.2021).

тивопоставления России Западу (С. 215–217). Кроме того, причины апокалипсиса они искали внутри страны, а восточного «другого», как заключает автор, считали «...просто частью экзотического “я” России» (С. 218).

В заключении автор обобщил свои выводы, подчеркнув формирование в общественном сознании России двух основных ракурсов видения Востока: негативистский, отождествляющий его с «допотопной тиранией, бесстыдной коррупцией и полной неподвижностью», т. е. со всем тем, что получило в русском языке понятие «азиатчина» (С. 221). Вероятно, следовало бы уточнить, что для передовых русских мыслителей, начиная с А.Н. Радищева, «асийство» сводилось не только к деспотическому государству, но и к отношению крепостнической по своей природе и европеизированной по форме элиты к своему народу, то есть несло социокультурное содержание и отражало глубину раскола русского общества»⁷.

Но было и другое видение, отталкивающееся от западного материализма и мещанства и находившее на Востоке «источник омолаживающей силы» (С. 223). В пореформенную эпоху сложилось представление о том, что будущее России заключается в ее продвижении на Восток, а идея симбиоза возобладала в самом русском ориентализме. Более того, она получила развитие в размышлениях российских мыслителей от славянофилов и К.Н. Леонтьева до евразийцев (С. 226–230).

Одна из главных, как кажется рецензенту, заслуг автора состоит в том, что он сумел выявить и всесторонне показать такую черту русского ориентализма, как эмпатию к Востоку, рассмотреть его отличия в отношении к «другому» от Запада, постоянно обосновывавшего свое превосходство над представителями незападного, в том числе русского мира. Хотелось бы заметить, что неоднозначность русского ориентализма, его двуликость наложила отпечаток и на авторское видение, когда он, с одной стороны, пишет о европейской природе русского ориентализма, а с другой, – не раз подчеркивает его своеобразие, стремление выйти за рамки европоцентризма. Более того, представляется, что сочетание различных компонентов в отношении к Востоку при сохранении инвариантного ядра в итоге и породило новое качество – сам русский ориентализм, значительно отличающийся от европейских форм.

В работе при всех ее бесспорных достоинствах встречаются неудачные, а точнее, двусмысленные формулировки и досадные неточности. Так, автор утверждает, что «министр финансов Сергей Витте» был «главным архитектором тихоокеанской авантюры Николая II» (С. 175). Публицистический характер фразы, без какой-либо конкретизации и уточнения дает основание предположить, что именно Витте выступил инициатором войны России с Японией. Хотя историк признает в других своих выступлениях, что Витте был противником войны. Неточности перевода привели к тому, что Великий князь Константин Николаевич получил титул «герцога» (С. 133), а знаменитый роман Ф.М. Достоевского «Бесы» – название «Демоны» (С. 214).

В целом рецензируемая книга представляет собой добротное, объективное, основанное на разнообразных источниках и обширной историографии исследование, освещающее историю становления и эволюцию русского ориентализма. Автор

⁷ См.: Кантор В. Откуда и куда ехал путешественник?.. Петербург как первопричина «асийства» // Радищев Александр Николаевич. URL: <http://radishev.lit-info.ru/radishev/kritika/kantor-kudahal/peterburg-kak-pervoprishina-asijstva.htm> (дата обращения 15.01.2021).

сумел выявить и показать основные особенности восприятия Востока в русском сознании, определить основные этапы и направления развития востоковедения. Читателя могут привлечь свободный от наукообразия и излишней академичности стиль изложения, увлеченность и высокий уровень профессионализма исследователя, что, как представляется, отразилось и в целом на добротном качестве перевода.

Книга канадского историка дает возможность не только представить взгляд со стороны, но с его помощью под новым ракурсом, более объемно реконструировать восприятие Россией и Востока, и Запада, и самой себя.

Поступила в редакцию / Submitted: 25.02.2021

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 27.03.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 04.10.2021

Информация об авторе / Information about the author

Р.А. Арсланов, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов, 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6, arslanov-ra@rudn.ru

R.A. Arslanov, Dr. Habil. Hist., Professor of the Department of Russian History, RUDN University, 6, Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia, arslanov-ra@rudn.ru